

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

СЧАСТЛИВЫЕ МИНУТЫ АКТЕРА

...Тихо на сцене, только что прошла репетиция, зал в полумраке, мой собеседник задумчив, в голосе его — усталые нотки.

Да, война для Игоря Николаевича Голованова — понятие не книжное, не абстрактное, а, прямо сказать, выстраданное. Семнадцатилетним мальчишкой, учащимся Челябинского горного техникума, осаждал он двери военкоматов, просясь на фронт, но везде отказывали: «Молод. Не время». Тогда Игорь и двое его друзей попросили содействия в райкоме комсомола, целый час не отставая от секретаря. И секретарь не выдержал осады, сдался. Голованову дали направление в Васильковскую школу механиков. На четыре суровых года в биографию войны вплелась и его личная биография. Недалеко от Берлина отпраздновал победу.

А потом в кирзовых сапогах и в полинялой гимнастерке стоял перед членами приемной комиссии в студии драмтеатра. Бывало, в техникуме, на самостоятельных спектаклях, переживал, краснел до корней волос, а тут какая-то уверенность, овладевшая им, строго пометила каждое произнесенное слово, каждый жест.

На экзаменах в студии полагается петь, декламировать и танцевать. Представил себе Игорь березы на русской границе и высокое небо, и солдатскую грусть по родным местам, а вагонные колеса бодро перестукивают — скоро домой, и запел в полный голос «Письмо моей уралочки...» Бытовала в те годы такая песня.

Главный режиссер Челябинского драмтеатра Д. М. Манский, улыбувшись, вскинул глаза, комиссия пошепталась, поглядывая на фронтоника, и по этим заинтересованным взглядам Голованов понял, что принят.

В первый же год самостоятельной работы на его долю выпало играть серьезные роли в пьесах классического репертуара — Фердинанда в «Мачехе» Бальзака, Молчалина в «Горе от ума» Грибоедова. Режиссер Манский чутко воспитывал молодого актера. Манский и пригласил его в 1957 году в Рязанский драматический театр. Вообще Голованов считает, что с наставниками ему повезло. Ман-

ский, Бриль, Медведев, позже Ефремова... Крупные режиссеры интеллектуального склада, со своим ярко выраженным пониманием драматургии.

В Рязани мастерство Голованова, актера четко оформилось, не утратив порыва и обаяния молодости. Вот Виктор в «Иркутской истории». Голованову представлялось, что за внешней грубоватостью этого рабочего парня скрыта чуткая душа, и в минуту наивысшего подъема она обязательно раскроется во всей своей красоте и в нерастроченной любви к жизни. И потому любимым «местом» в спектакле стала для актера сцена, где Виктор наедине с Валентиной после трагической гибели ее мужа.

— Там слов по пьесе мало, и десятка не наберется, — говорит Голованов. — Все душевное состояние Виктора нужно выразить через его поведение, а это трудно. Впрочем, — добавляет он, — в «Иркутской истории» у меня были прекрасные партнеры — А. Воронцова и П. Александров.

В театре у И. Голованова сложился хороший творческий союз с режиссером Верой Андреевной Ефремовой: Она ставила спектакли по пьесам «Якорная площадь» И. Штока, «Белые ночи» В. Пановой, «Варвары» М. Горького, в которых неизменно играл Голованов. И когда Вера Андреевна возглавила режиссуру Рязанского театра юного зрителя, Голованов тоже «породнился» с этим театром юности, где и работает доньше.

Тема войны приобрела для актера новое звучание в спектакле «Глубокие корни». Голованов исполнял роль Брета, ветерана второй мировой войны, американца с черным цветом кожи, который считал, что для него, героя, кавалера высшей награды Соединенных Штатов Америки, вопрос дискриминации отпадает. Но жизнь в капиталистических «джунглях» перевернула все представления Брета о чести, о разуме, о совести. Любовь к дочери заядлого расиста навлекает на Брета неисчислимы бедствия. И вот трагический итог всему: Брет ранен и, проклиная лживую свободу, покидает ненавистный ему дом.

— В этом спектакле меня привлекал высо-

кий гражданский пафос, — вспоминает актер. — Сам материал, правдоподобный до деталей, публицистически страстный, как бы «лепил» образ главного героя и заставлял зал сопереживать, глубоко раздумывать над судьбой простого негра из Америки.

Вот уже добрый десяток лет Голованов руководит драматическим коллективом при Дворце пионеров, и каждый день сталкиваясь с мальчишками и девочками, наблюдая, как формируются их характеры, он хорошо усвоил простую на первый взгляд и непреложную истину, что очень важно, пожалуй, важнее всего для актера — его живой контакт со зрительным залом.

— К примеру, — улыбается артист, — играю я в сказке «Аладдин и волшебная лампа» Визиря, роль явно отрицательную. И вот когда Визирь подкрадывается, чтобы убить Аладдина, вы посмотрели бы, что творится в зале. Ребята кричат, призывая Аладдина к осторожности, и дружно ненавидят Визиря. В такие минуты чувствуешь себя счастливым. В «Бременских музыкантах» другое, там я — разбойник-толстяк, эдакий горемыка, которого в шайке вконец затуркали обидами и насмешками. И дети это понимают и по своему жалеют разбойника, хотя образ тоже вроде и отрицательный.

Два-три года «живет» в театре спектакль. Актер живет на сцене каждую секунду, воспитывая юных зрителей своим талантом. За одиннадцать лет работы в ТЮЗе И. Головановым сыграно около пятидесяти ролей и более ста ролей — с начала творческой биографии. Были роли менее удачные и более удачные. И, конечно, еще будут. Были и «пробы» в режиссуре. Вместе с художником К. Андреевым Голованов поставил на сцене ТЮЗа «Смелую сказку» по мотивам произведения Гайдара «Мальчиш-Кибальчиш».

Пройдет время, сменится еще не одно поколение мальчишек и девочек, и новые спектакли, в которых сыграет Игорь Николаевич Голованов, соберут в гостеприимные стены ТЮЗа новых зрителей.

В этом — судьба актера.

В. ЯКОВЛЕВ

— И когда я играл роль капитана Енакиева в «Сыне полка», человека, обездоленного войной, оставшегося без родных, без родного крова, сурового воина, который нашел на фронтовых дорогах свою последнюю любовь — мальчика Ваню Солнцева и потерял ее, погибнув, то давнее, минувшее вновь осветилось в моей памяти. Воздушные бои на северных подступах к нашей стране... Легчики, мои дорогие товарищи, — лицо каждого сейчас, как крупный илан на экране, — улетали на боевые задания и... не возвращались... Авиационный полк, построенный в каторге, перед штурмом Восточной Пруссии, и клятва, повторяемая нами: «Прорвемся! Будем в Берлине!»

— Оттаивало сердце капитана, закаменело в ненависти к врагам, от близкого присутствия сиротской, такой же обездоленной и необходимой ему жизни мальчика. И это было мне понятно до самых глубин, я подобное видел на фронте, а личный опыт, подкрепленный творческим воображением, — лучшая школа для актера.